

Она не знала, как пережила время полета, каждая минута, каждая секунда, казалось, поджаривали ее на сковороде. Ее сердце ушло в пятки, в голове по-прежнему было пусто. Она отчаянно утешала себя: я не могу думать об этом, я больше не хочу об этом думать. После того, как я увижу Чжэньжуна, все будет хорошо. Как только она увидит его, все будет в порядке. Даже если он потерял ногу или руку, я все равно готова сопровождать его до конца его жизни. Пока он ... пока он там, что ж, все в порядке.

Когда она вышла из самолета, она даже подумала, что если он станет инвалидом, она сразу же выйдет за него замуж. Пока он все еще хочет ее видеть в своей жизни, она немедленно выйдет за него замуж.

В аэропорту ее неожиданно ждали люди из больницы. Одного из них она узнала - женщина-врач из отделения Шао Чжэньжуна, очень добрый человек. Ду Сяосу изначально называла ее "Старшей сестрой" вместе с Шао Чжэньжуном. Старшая сестра обычно очень заботилась о них. Однажды, когда ее семья заворачивала спринг-роллы, она изо всех сил старалась позвонить им, чтобы попробовать. Прежде чем Ду Сяосу что-то сказала, Старшая Сестра уже подошла и обняла ее, - "Сяосу, ты должна быть сильной."

Что это значит?

Она была почти сердита, она всегда была сильной, но что они имеют в виду, находясь здесь? Она почти сердито стряхнула руку Старшей сестры, - "Я могу ходить сама!"

В машине она хранила молчание. Старшая сестра спокойно наблюдала за ее лицом, но не осмеливалась ничего сказать. Когда она прибыла в больницу, то увидела хорошо освещенное здание № 2. Когда она вышла из машины, она спросила, - "Чжэньжун, должно быть, госпитализирован. В каком он отделении? В ортопедическом отделении? Отделение неврологии? Он серьезно ранен? В какой он палате?"

"Сяосу..." - Старшая Сестра сказала с некоторым трудом, - "Мы уже говорили тебе по телефону днем - ты должны твердо взглянуть в лицо реальности... Доктор Шао...уже...Он просто случайно попал на месте обрушения...Спасательная команда сделала все возможное...Но они не смогли спасти его..."

Сяосу наблюдала, как рот Старшей Сестры открылся и закрылся, - "Оползень... несчастный случай... ради пациента... жертвоприношение..."

Такие ужасные слова одно за другим слетали с ее губ. Глаза Ду Сяосу были широко открыты. Она туго уставилась на нее.

Все это было просто сном, кошмаром. Ее просто застал кошмар. До тех пор, пока она с трудом открывала глаза, она просыпалась и знала, что это был сон и что она могла видеть, как Шао Чжэньжун снова появляется перед ней во всем здравии. Или, может быть, все люди в этой больнице обманывали ее, прятали Шао Чжэньжуна, позволяли ей волноваться, а потом, когда она была в отчаянии, Чжэньжун, естественно, выскакивал, улыбался, хлопала ее по носу и

называл маленькой дурочкой.

Она даже не проронила ни единой слезинки. Она продолжала чувствовать, как это возможно, как все это могло быть возможно? Должно быть, они ошиблись, иначе ее обманули. Не может быть, чтобы это было по-настоящему. Потому что он сказал ей подождать. Он был человеком, который верен своим обещаниям. Он даже не опоздал бы на свидание. Как он мог солгать ей?

Она не знала, о чем они говорили. Она вообще ничего не знала. Она опустила голову, закрыла глаза и тихо ждала. Как она и обещала, она будет ждать его возвращения.

Когда она снова открыла глаза, она уже была на больничной койке. Она молча считала капли в трубочке для капельниц, надеясь сосчитать капли, как в прошлый раз, а он вдруг толкал дверь и смотрел на нее. Оказалось, что когда он смотрел на нее, в его глазах была легкая улыбка, а уголки его рта были слегка поджаты. Когда он смеялся, на его левой щеке была маленькая ямочка, которую нельзя было увидеть, не обратив внимания, но она знала это, потому что он был ее Шао Чжэньжуном. Она любила его, поэтому знала даже самые тонкие выражения его лица. Должно быть, на этот раз он ее пугает, должно быть. Может быть, он был серьезно ранен, может быть, действительно инвалид, поэтому он не хотел ее видеть, потому что не мог принять это психологически, или он не собирался прощать ее в конце концов. Но все это не имело значения, она будет ждать его, пока он не вернется, как в прошлый раз в больнице.

Но она считала и считала. Она не знала, сколько их насчитала, пока бутылочка с лекарством не закончилась и ее не заменили другой бутылочкой. Медсестры вокруг приходили и уходили. Психолог приходил к ней каждый день, чтобы поговорить, часто сидя перед ее кроватью в течение нескольких часов. Но даже если доктор сказал достаточно, чтобы разбить им губы, она не заговорила.

Потому что они все ее обманывали.

Он обязательно вернется, он так ее любил, даже если она совершила такую большую ошибку, он все равно сказал ей подождать его. Как он мог захотеть оставить ее здесь одну? Он обязательно вернется.

Ее родители примчались из дома, услышав эту новость. Они были в отчаянии. Особенно ее мать, которая оставалась рядом с ней, не отходя ни на шаг, неоднократно советуя, - "Дитя, плачь, позволь себе поплакать. Не причиняй себе такой боли. Как только ты заплачешь, тебе станет лучше." Но она не плакала. И все же ее мать плакала и продолжала вытирать слезы.

И она слегка приподняла лицо, но не поняла, зачем нужны слезы.

Ее Шао Чжэньжун ушел, но он определенно вернется. Он так сильно любил ее, как он мог захотеть оставить ее здесь? Он обязательно вернется, несмотря ни на что, он обязательно вернется.

В последний день ее мать и медсестра помогли ей переодеться, причесаться и помогли войти в лифт. Она не знала, куда они идут, она была сбита с толку и во власти других.

Когда она вошла в холл, то увидела его только на расстоянии, он улыбался, глядя на нее.

Она не понимала. Она продолжала подходить ближе, пока не протянула руку и не погладила черную рамку картины. Фотография была очень большой. Разделенные холодным стеклом, ее пальцы медленно скользнули по его губам. Раньше он так тепло улыбался. Он всегда так настороженно улыбался. Фотография была очень хорошей, но сделала ее не она. Она поспешно оглянулась и увидела няню Чжао, поэтому тихо позвала, - "Тетя Чжао." Она вспомнила, очень твердо вспомнила, что Чжэньжун привел ее на встречу с нянюшкой Чжао во время Весеннего фестиваля. Няня Чжао обращалась с ней как с родной дочерью. Она приготовила для нее куриный суп и подарила ей кольцо, потому что она была девушкой Чжэньжуна. Тетю Чжао тоже кто-то крепко держал, почти не в силах встать. Всего за пару месяцев тетя Чжао выглядела изможденной, как будто она была на десять лет старше. Даже ее волосы поседели. Когда няня Чжао увидела Ду Сяосу, у нее покатились слезы. Ду Сяосу вырвалась из рук матери и подошла к нянюшке Чжао, ее голос все еще был очень мягким, - "Тетя, Чжэньжун попросил меня подождать его, но он так и не вернулся."

Тетя Чжао, казалось, поперхнулась. Ее тело обмякло, и она упала в обморок. В зале царил огромный хаос, и несколько человек бросились помогать медсестре держать тетю Чжао и отодвигать ее в сторону... Ее мать тоже крепко держал ее за руку и разрыдалась, - "Дитя, не будь глупой, не будь глупой."

Она не была глупой. Он сам сказал ей об этом, велел подождать его. Она ждала его, но он не вернулся.

Он сказал, что хотел бы поговорить с ней, когда вернется. Как он мог не вернуться, если так сильно любил ее? Он так сильно любил ее, как он мог не хотеть ее видеть?

Она не понимала. Она не верила в это до последнего момента, когда ее подвели к тяжелому гробу. Там было так много цветов, все белые хризантемы, и он спал посреди цветов с умиротворенным выражением лица.

Она смотрела в замешательстве, как будто все еще не понимала, что происходит, пока они дюйм за дюймом не закрыли крышку гроба, пока тетя Чжао снова не упала в обморок от слез, и все разрыдались. Она была единственной, кто стоял там тупо, без сознания, без ничего, как будто все было потеряно, как будто все перестало существовать.

Лицо Шао Чжэньжуна исчезало за крышкой гроба дюйм за дюймом, пока вовсе не исчезло из виду, пока не исчез он весь. Она вдруг поняла, что все это не сон, все это было правдой. Они не лгали ей, он действительно не вернется, он никогда не вернется. Она действительно потеряла его навсегда.

Она бросилась как сумасшедшая, родители отчаянно держали ее, многие люди подходили,

чтобы помочь ей, но она просто кричала, - "Мама! Отпусти меня с ним, умоляю тебя, отпусти меня с ним, я хочу последовать за ним! Мама... Позволь мне быть с ним..."

Все больше людей хотели оттащить ее, и она плакала так сильно, что не могла дышать, - "Позволь мне быть с ним, я умоляю тебя. Шао Чжэньжун! Шао Чжэньжун! Вставай! Как ты можешь оставлять меня в таком состоянии?! Как ты мог это сделать....."

Ее пальцы отрывались от крышки гроба один за другим. Она плакала до тех пор, пока все ее тело не затряслось. С помощью грубой силы ей захотелось вырваться из чужих рук и втиснуться в холодный гроб. Потому что там был ее Шао Чжэньжун. Она хотела быть с ним, независимо от того, когда и где. Она только хотела быть с ним.

Она слышала свой собственный плач, хриплый и отчаянный, как пойманный в ловушку зверь, зная, что это невозможно, но она боролась со своей жизнью, не заботясь ни о чем другом, она просто должна была быть с ним.

Все тянули ее и уговаривали. Она услышала свой собственный голос, суровый, как нож, вонзающийся в ее сердце, выдавливающий кровь и плоть. Она неоднократно повторяла, - "Отпустите меня, отпустите меня, ты отпусти, Шао Чжэньжун мертв. Так почему я жива? Отпустите меня, умоляю вас."

Ее мать отчаянно тянула ее за руку, задыхаясь, - "Дитя, дитя, не делай этого! Что должна делать я, если ты так говоришь? Что должна я сделать.."

Все слезы, казалось, хлынули в этот момент. Она отчаянно боролась вот так, но ее Шао Чжэньжун не вернулся, он действительно не вернулся. Несмотря на то, что она устраивала такую сцену, плакала вот так, кричала вот так, отчаянно тянулась, чтобы схватить его за руку здесь, вот так, но каждый раз она могла только ухватиться за холодный гроб. Все было напрасно, он никогда больше не ответит ей, он солгал ей, он солгал, когда сказал ей подождать его. Она продолжала ждать, но он не приходил.

Ее голос был просто душераздирающим. У нее не было сил. Люди подходили, отодвигали ее в сторону. Она могла только смотреть, как они, как забрали, забрали его, смотреть, как они забрали ее Шао Чжэньжуна. Она действительно больше не хотела жить. Она только хотела быть с ним. Если он мертв, то они должны быть мертвы вместе. Но он не стал ее дожидаться, он ушел первым сам.

Мать крепко обняла ее, зовя по имени. Слезы матери капали ей на лицо, и она смотрела, как другие уносят гроб. Она больше не могла издавать ни звука, как будто у нее были порваны голосовые связки.

У нее больше не было Шао Чжэньжуна.

Она была в таком отчаянии, но не могла удержать его даже на лишнюю минуту или

секунду. Судьба была такой скупой. Ей не будет дано ни минуты, ни секунды. Она действительно была безнадежна. Используя последние силы, своим прерывистым, надломленным голосом, - "Мама, не позволяй им забрать его... Мамочка... Я умоляю тебя, мама... Не позволяй им забрать его..."

Ее мать плакала так сильно, что даже не могла говорить, и, наконец, рухнула на спину и упала в объятия отца Сяосу. Люди поблизости крепко держали ее. Но она была беспомощна, как новорожденный ребенок. У нее не было выхода. Даже у матери, которой она доверяла и от которой зависела больше всего, не было никакой возможности.

Все развалилось на части, и весь мир потемнел у нее перед глазами. Летом в городе всегда случались внезапные проливные дожди. Погода изменилась в одно мгновение. Из окон было видно только свинцово-серое небо, а тяжелые облака висели очень близко к земле, так низко, как будто были в пределах досягаемости. Такое небо было похоже на объектив будущего города в фильме. Огромные стеклянные окна были покрыты каплями воды, оставлявшими следы одна за другой, прежде чем их унесло ветром в сторону.

Атмосфера во всем конференц-зале также была низкой и удручающей. Все были в плохом настроении. Неоспоримым фактом было то, что показатели проектов, ориентированных на недвижимость, снижались два квартала подряд, большой босс наконец вернулся в Шанхай из Пекина. Им пришлось столкнуться с проблемами, накопившимися за последние несколько месяцев. Глядя на бесстрастное лицо Лэй Юйчжэна, все надзиратели были осторожны, боясь случайно вызвать его гнев.

"Мы не будем восстанавливать зону бедствия", - Лэй Юйчжэн закрыл план толщиной в полдюйма одним пальцем. - "Конкуренция жестокая, и нет никакой необходимости вмешиваться ... "

Лицо вице-президента, отвечающего за планирование, было уродливого цвета. Хотя компания была зарегистрирована в Пекине, центр бизнеса всегда находился в Шанхае. Многие крупные инвестиционные планы были составлены от имени шанхайского филиала. На этот раз им потребовался почти месяц, чтобы спланировать это так подробно, но еще до того, как оно дошло до совета директоров, оно было так легко отклонено на очередном заседании.

Реконструкция зоны бедствия?

Лэй Юйчжэн почти усмехнулся, - "Зачем? Зачем нам восстанавливать эти руины?"

Никто не знал, как он в тот день бросился в зону землетрясения, и никто не знал, как он попал на место оползня. Стоя перед обрушившейся скалой, он действительно знал, что надежды нет. Но он был очень спокоен и использовал всю доступную силу. Местная спасательная команда также старалась изо всех сил и, наконец, откопала рухнувшую машину скорой помощи. В это время руководитель медицинской бригады, крупный мужчина, плакал, стоя. Они были врачами. Они привыкли видеть жизнь и смерть, видеть кровь и боль, но перед лицом катастрофы и смерти их лица были пепельными. Они могли только плакать.

Он собственными руками выкопал Чжэньжуна. Все тело Чжэньжуна чудом не пострадало. Его лицо было даже чистым, а тело все еще мягким, но из-за удушья не было никаких признаков жизни. Это было все слишком долго, слишком долго... Он не мог дожидаться, когда его второй брат спасет его, и он уже испускал последний вздох под грязью глубиной в несколько метров.

Это был его самый любимый младший брат, самый любимый младший сын его родителей, его самый дорогой брат, маленький хвостик, который следовал за ним с детства, маленький кусочек, который следовал за ним, тихо зовя "Брат", тот маленький росток фасоли, который все еще нес запах молока – С юных лет Шао Чжэньжун был слаб здоровьем. Поэтому их семья заказывала ему две бутылки молока: одну утром, одну вечером. Поэтому он всегда носил с собой запах молока, позволяя ему смеяться над ним за то, что у него "молоко на губах не обсхло".

Чжэньжун рос день ото дня, приобретая длинные ноги и руки, а также свое собственное мнение. Чжэньжун поступил в лучшую среднюю школу, Чжэньжун настоял на изучении медицины, Чжэньжун уехал за границу, чтобы продолжить учебу... Однажды Лэй Юйчжэн отправился за границу с инспекционной поездкой, он намеренно сделал крюк, чтобы повидаться с Чжэньжуном в школе. В тот день только что выпал сильный снег. Два брата шли бок о бок по дороге к школе. Снег скрипел у них под ногами. Они были окружены древними иностранными зданиями. Чжэньжун рассказал ему о тривиальных делах школы. Ветер бросал снежинки ему в лицо. Чжэньжун прищурился, как в детстве. Именно тогда Лэй Юйчжэн внезапно понял, что Чжэньжун на самом деле был такого же роста, как и он сам.

Он всегда думал, что они будут жить долго, пока у них не поседеют волосы, не выпадут все зубы, и они будут сидеть у пруда на закате, ловить рыбу и говорить о своих детях и внуках.

Он был его самым близким братом, его самым любимым братом. Он сидел в самолете, держа Чжэньжуна на руках. Борт самолета был пуст, и никто не осмеливался заговорить с ним. Он подумал, что его лицо, должно быть, еще уродливее, чем у Чжэньжуна. Он никому не позволял прикасаться к брату, и, наконец, когда вышел из самолета, он лично вынес Чжэньжуна.

Старший брат уже помчался обратно в Пекин, и там было припарковано несколько одиноких машин. Это было так далеко. Он шел медленно, шаг за шагом. Он почти не мог больше держаться за него, Чжэньжун больше не был тем легким, больным ребенком. Чжэньжун стал мужчиной. Старший брат молча подошел и протянул руку, чтобы взять Чжэньжуна. Проехав тысячи миль, он вернул своего младшего брата и передал его старшему брату. Двое парней, несших носилки, осмелились последовать за ними только на расстоянии. Старший брат подошел к машине, опустил Чжэньжуна на землю и положил его в гроб, приготовленный в машине. Лэй Юйчжэн помог отойти в сторону, придерживая голову Чжэньжуна. В тот момент, когда он опустил голову, он ясно увидел, что две слезинки скатились с глаз его старшего брата и упали на одежду Чжэньжуна.

Это был первый раз, когда он увидел, как его старший брат пролил слезы. Он всегда был красив, даже спокойнее и решительнее, чем его отец. Лэй Юйчжэн стоял перед машиной, наблюдая, как ветер треплет безупречные волосы его старшего брата, и наблюдая за двумя линиями слез на его лице. Они изо всех сил старались утешить своих родителей. Хотя они привезли Чжэньжуна обратно в Пекин, они даже безосновательно хотели помешать своему

пожилому отцу в последний раз увидеться с Чжэньжунем. Поэтому они отправили его обратно в Шанхай и провели поминальную службу в больнице, где Чжэньжун работал в Шанхае. Потому что и он, и его брат знали, что у их отца серьезное заболевание сердца и он не мог вынести подобной сцены.

Несмотря ни на что, это не должен был быть Чжэньжун.

Он был самым младшим в семье и самым обожаемым в семье.

Он никогда не издевался над своими одноклассниками. Он всегда относился к людям самым лучшим и искренним образом. Он никогда не причинял никакого вреда миру. Он выбрал медицину, потому что мог лечить болезни и спасать людей, и он даже отправился в зону бедствия, чтобы спасти людей.

Несмотря ни на что, это не должен был быть Чжэньжун.

Долгое время Лэй Юйчжэн оставался со своими родителями, напоминая, когда он был совсем маленьким, старался быть рядом, как тогда.

Поскольку старший брат был занят работой, он не мог проводить много времени с родителями, как Лэй Юйчжэн. Таким образом, невестка взяла длительный отпуск и привезла детей сюда жить. Поскольку в семье была маленькая племянница, которая все еще училась говорить, дом не казался таким пустым. Но его мать все равно становилась все хуже и хуже. Когда его маленькая племянница дремала, он часто видел, как его мать держала групповую фотографию братьев, когда они были маленькими. Она смотрела не отрываясь часа два или три.

Он почти свирепо подумал, - "Почему это Чжэньжун? Почему он должен вкладывать деньги в землю, которая причинила такую печаль его семье? Зачем ему надо восстанавливать эти руины?"

Даже человек, который больше всего не должен был умирать, умер. Даже небеса ослепли. Так зачем?

У него больше не будет никакого сочувствия, у него больше не будет никакого милосердия, даже судьба не пожалела его, ни Чжэньжуна. Почему он должен жалеть других?

Он больше никогда этого не сделает. Больше никогда.

После того, как заседание закончилось, секретарь Шан казалось, торопился, а затем спросил, - "Мистер Лэй, мисс Ду из Бо Юань назначила встречу неделю назад и хочет встретиться с вами. Вы ее видели?"

Он услышал слова "Бо Юань" и вспомнил, что он был партнером компании, поэтому сказал, -

"Дизайнерская компания оставлена вице-президенту Лю."

Секретарь Шан знал, что он не помнил, и добавил, - "Это мисс Ду, Ду Сяосу."

Он наконец вспомнил, кто эта женщина, поэтому его голос стал еще более невыразительным, - "Что с ней такое?"

"Я не знаю, она настаивала на том, чтобы поговорить с вами, и звонила снова и снова, она сказала, что это связано с вашим братом."

Секретарь Шан внимательно посмотрел на лицо босса после того, как закончила говорить. Он не знал почему, но босс в последнее время был в плохом настроении. Он не только жил в Пекине в течение длительного времени, что было для него нехарактерно, но и не имел терпения для официальных дел после возвращения. В компании ходили слухи, что что-то случилось с семьей босса, но никто не знал, что случилось, не говоря уже о том, чтобы набраться смелости спросить.

В результате Лэй Юйчжэн очень холодно оставил предложение, - "Посмотри на расписание и выдели ей пять минут." Сказав это, он повернулся и вошел в кабинет.

Секретарь Шан пошел проверить расписание босса, скорректировал его, а затем позвонил Ду Сяосу, чтобы сообщить ей о встрече с Лэй Юйчжэном во второй половине дня.

Лэй Юйчжэн едва узнал Ду Сяосу, когда увидел ее. Два месяца с тех пор, как они виделись в последний раз, она так исхудала, что от нее остались почти одни кости. Ее лицо стало меньше, а глаза были измученными и отсутствующими.

Он подумал о девушке, которую Чжэньжун привел домой, о ее пухлом лице и больших мерцающих глазах. Даже если он узнал ее позже и помешал ей остаться с Чжэньжуном, она все равно казалась гордой и сильной, когда пришла в офис, чтобы поговорить с ним, как будто у нее была самая мощная сила, чтобы поддерживающая ее.

Но теперь она, казалось, стала другим человеком, все ее тело потускнело, а выражение лица стало усталым. В руках она держала большую дорожную сумку. Она положила тяжелую сумку на его стол, расстегнула ее и перевернула вверх дном. С глухим стуком пачки сто долларовых банкнот рассыпались по столу, скатываясь повсюду.

Он нахмурился.

Ее голос был очень тихим, но очень ясным. Она сказала, - "Мистер Лэй, вот 700 000 юаней. Я знаю, что этого недостаточно, но это все средства, которые я могу собрать. У меня есть работа. Я могу подать заявку на предоставление финансовых средств и бизнес-кредитов. 700 000 юаней должно хватить для первоначального взноса. Я здесь, чтобы умолять вас, продайте

мне дом, который купил Чжэньжун."

Ее тон был почти смиренным, но в глазах вспыхнуло невыразимое безумие. Она пристально вгляделась в его лицо и глаза, как будто смотрела на единственную надежду в мире. Она сказала, - "Мистер Лей, это мое единственное желание. Рассчитываю на ваше понимание."

Лэй Юйчжэн мягко отодвинул деньги пальцами, - "Я не собираюсь продавать тебе этот дом."

Она без высокомерия положила перед ним еще одну стопку документов, - "Вот договор купли-продажи и чек о получении депозита."

У него все еще не было выражения, - "Контракт не был подан в Бюро недвижимости, и он все еще недействителен." Он взял контракт на покупку дома, посмотрел на него и внезапно разорвал его посередине. Ду Сяосу была ошеломлена его внезапным поступком. Она смотрела, как он разрывает контракт на куски. Он небрежно сказал, - "Плательщик - Шао Чжэньжун. Ты не достойна того, чтобы купить этот дом."

"Я просто хотела купить этот дом, поэтому пришел сюда с деньгами", - она вся дрожала, - "Почему вы разорвали мой договор?"

"Я не собираюсь продавать его тебе. " - он нажал на телефонную линию, позвонил секретарше. - "Отправьте мисс Ду."

Она не плакала и не создавала проблем, а послушно следовала за секретарем Шан.

Лэй Юйчжэн изначально думал, что на этом все и закончится, но не ожидал, что, когда он в тот вечер закончит работу, она внезапно выскочит с обочины на середину дороги и остановится перед машиной. Водитель испугался и поспешно нажал на тормоз. К счастью, характеристики машины были хорошими, и она остановилась. Машина была всего в нескольких сантиметрах от нее. Ветер трепал ее юбку о решетку воздухозаборника в передней части машины, все ее тело было таким худым, что казалось, ее в любой момент может сдуть ветром, но она стояла и смотрела прямо на него. Охранник на стоянке опешил и сразу же побежал сюда. Через окно машины она просто спокойно смотрела на него, как будто ее не волновало опасное действие, которое она только что совершила.

Лэй Юйчжэн постучал по спинке сиденья и сказал водителю, - "Поехали."

Охранник оттащил ее, и машина выехала со стоянки. В зеркале заднего вида все еще было видно, как она борется, почти собираясь вырваться из рук охранника.

Он не обращал внимания на размытые тени, которые становились все меньше и меньше в зеркале заднего вида.

Он вспомнил, что раньше она работала в отделе развлекательных репортажей, а теперь, похоже, тратит на это все свое время. Она не плачет, не создает проблем и не беспокоит его, просто следует за его машиной на расстоянии. Она шла туда, куда шел он. Если он возвращался в квартиру, она следовала за ним до двери; когда он возвращался на виллу, она следовала до ворот виллы; когда он выходил пообщаться и поесть, она ждала снаружи ресторана или отеля.

Она была похожа на тихого сумасшедшего или неизлечимого параноика, очень спокойно следовавшего за ним, не несущего, куда он шел, просто невинно, спокойно следовавшего за ним. Он бесчисленное количество раз просил охрану выгнать ее и не позволял ей появляться возле его офисного здания. Она не ссорилась и не дралась, и позволила людям забрать ее - она послушно и спокойно позволяла им делать все, что угодно. Но ее глаза продолжали пристально смотреть на него. Ее глаза были очень темными, такими темными, что зрачки казались больше, чем белки ее глаз. Она смотрела на него, в ее глазах не было ничего, только какой-то пустой покой, как у смертельно больного пациента, у которого нет жизненных сил, просто глядя на него так.

Она была похожа на сумасшедшую в самом прямом смысле этого слова. Она жила только в своем собственном мире и делала то, что хотела. Она не сдастся, пока не достигнет своей цели. Если бы он не продал ей дом, она бы следовала за ним каждый день, следовала бы за ним все время, и она тратила бы все свое время на это.

Лэй Юйчжэн нашел это странным. Женщина становилась все тоньше и тоньше, ее запястье было таким тонким, что казалось, оно может сломаться в любой момент. Охранники могли отодвинуть ее в сторону без каких-либо усилий. Он не знал, что поддерживало ее. Она была похожа на травинку, у которой было достаточно силы, чтобы поднять камень и вырасти из щели.

Секретарь Шан дважды спросил его, - "Мистер Лэй, вы хотите, чтобы я уведомил Юридический отдел, чтобы они отправили письмо адвокату? То, что она делает, - это домогательство."

Лэй Юйчжэн взглянул на фигуру в зеркале заднего вида и тихо ответил, - "Я посмотрю, как долго она сможет следовать за мной. Полгода? Год?"

Секретарь Шан больше не упоминал об этом.

Ду Сяосу оказалась жестче, чем они себе представляли. Ей почти ничто не мешало, ее не беспокоила никакая погода. Она всегда появлялась в их поле зрения до и после того, как Лэй Юйчжэн заканчивал работу. Постепенно даже водитель Лэй Юйчжэна привык к этому. Прежде чем покинуть гараж, он всегда должен был взглянуть в зеркало заднего вида. Как только появлялась фигура Ду Сяосу, он давил на газ и уезжал.

Лэй Юйчжэн в этот день работал сверхурочно. Было уже восемь часов вечера, когда он закончил работу. Было уже темно, и снова шел дождь. Вокруг было темно. Даже свет уличных фонарей казался туманными шарами. Дождь был слишком сильным. Вода текла по подъездной

дорожке, как река. Машина выехала из гаража. Две фары осветили дождь из серебряных стрел, падающий на машину под углом. Дворники на лобовом стекле были уже на самой высокой скорости. Волны воды перехлестывали через край. Когда стеклоочиститель вытирал их, на них падало еще больше воды. Небо было похоже на сотню рек, льющихся прямо вниз.

Водитель ехал медленно из-за сильного дождя. Он привычно взглянул в зеркало заднего вида и не смог удержаться, чтобы не произнести "ха". Он понял, что сделал что-то не то и замолчал.

Лэй Юйчжэн поднял голову, когда услышал звук, и тоже взглянул в зеркало заднего вида. Оказалось, что Ду Сяосу стояла у выхода из гаража даже после такого сильного дождя, потому что эта область находилась близко к корню стены здания, и там была выступающая мраморная стена, которая могла обеспечить некоторую защиту. Она не держала зонтика, и все ее тело уже промокло. Уличный фонарь обрисовывал ее тонкую фигуру, которая выглядела так, словно была сделана из бумаги. Он увидел, как ее фигура уплывает в зеркало заднего вида, несколько раз дрожа под проливным дождем, прежде чем, наконец, неподвижно упасть в стоячую воду.

Водитель наблюдал за ее падением в зеркало заднего вида и инстинктивно нажал на тормоза.

Лэй Юйчжэн спросил, - "Зачем ты остановился?"

Водитель немного смутился и быстро завел машину снова. В зеркале заднего вида было видно, как она только что упала в воду, все еще лежала неподвижно. На нее обрушилось еще больше дождя, и по мере того, как машина удалялась, фигура в зеркале заднего вида становилась все меньше и меньше, пока, наконец, она не скрылась из виду.

Ду Сяосу приснился очень долгий сон. Ей снился Шао Чжэньжун, что он вернулся. Но она так устала, что не могла говорить, все ее тело было истощено до крайности, она не могла дышать, ей казалось, что она задыхается, может быть, это вода душила ее. Она даже не могла пошевелить губами, она так устала, как будто у нее были сломаны кости. Ей так много нужно было ему сказать, она так по нему скучала. Все говорили, что он умер, но она им не верила. Она никогда бы им не поверила. Она скучала по нему, у нее заболело сердце. Если бы он знал, он бы вернулся. Он позволил ей подождать, поэтому она продолжала ждать, послушно ждать, но не смогла дождаться, пока он придет.

Теперь, когда он вернулся, он наконец...вернулся.

Она не плакала, потому что ей нужно было многое ему рассказать. Например, что она любила его, в этой жизни, в этом мире, в своей следующей жизни, она будет продолжать любить его; например, она скучала по нему, она была очень послушной, она вовремя ходила к психиатру, она вовремя ела лекарства, только она никогда не могла мечтать о нем.

Но его фигура была очень расплывчатой. Его фигура задержалась там на короткое мгновение, прежде чем исчезнуть. Она тщетно протянула руку, пытаясь схватить что-нибудь, может быть, край его одежды. Она крепко вцепилась в него. Кто-то снова отрывал ее пальцы. Она боялась,

не желая отпускать. Она знала, что в тот момент, когда она отпустит его, он уйдет, или, возможно, когда она отпустит его, она проснется и никогда больше не сможет видеть его во сне. Это был Чжэньжун, ее Чжэньжун. Даже если бы она умерла, она бы не отпустила меня. Она скорее умрет, чем отпустит его.

Лэй Юйчжэн слегка нахмурился, глядя на пальцы, которые крепко сжимали уголки его одежды. Они были очень тонкими, настолько тонкими, что их пальцы походили на бамбуковые узлы, но, казалось, в них была грубая сила. Они вцепились в уголки его одежды, решительно отказываясь отпустить. Как бы он ни старался, пока ее ногти не побелели, она отказывалась их расслаблять.

Он уже чувствовал, что совершил ошибку, отправив ее в больницу. С таким же успехом он мог бы позволить ей впасть в кому и задохнуться насмерть в воде. Ему действительно не следовало беспокоиться о таких пустяках, но она вцепилась в край его одежды, отказываясь отпустить.. Ее губы были белыми и в то же время синими, щеки болезненно покраснели. У нее была высокая температура, лекарство в капельнице наполовину исчезло, а лихорадка не прошла. Врач приходил несколько раз, и медсестра тоже приходила измерить температуру тела, объявляя: 39,6 градуса, 39,4 градуса...

Он не знал, будет ли у нее по-прежнему жар, будет ли у нее гореть голова....В любом случае, она, по сути, уже была сумасшедшей. Он думал о многих способах вырвать ее руку, но она сжала ее слишком крепко, ее пальцы были обжигающе горячими. Он чувствовал пугающую температуру даже сквозь одежду. Ему почти хотелось отрезать уголок собственной одежды, чтобы избавиться от этой противной женщины. Он попытался отодвинуть ее пальцы, поэтому наклонился всем телом. Он был ближе и, наконец, услышал, что она говорит.

То, что она сказала, было, - "Чжэньжун..."

Оказалось, что она все это время звала Чжэньжуна по имени.

<http://tl.rulate.ru/book/68432/1822402>